

УДК 323:378

*Н.А. Баженов, К.А. Пунина***СТУДЕНЧЕСТВО В ЛОКАЛЬНОЙ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Статья посвящена роли студентов в локальной публичной политике современной России. Специфика студенчества обосновывается их общественной деятельностью, которая подкрепляется территориальным сосредоточением, общностью интересов, групповым самосознанием, субкультурой, образом жизни, возрастной однородностью, которой не имеют остальные социально-профессиональные группы. Возможность участия студентов в публичной политике города авторы объясняют положениями государственной молодежной политики РФ, а также их статусом полноправных жителей конкретной территории. Анализируя социально-политическую активность студентов, они делают вывод, что в качестве общественно значимых проблем студенты могут продвигать в поле публичной политики интересы, связанные с их социальным положением (льготы, стипендии, стоимость обучения и т. д.), организацией городской инфраструктуры (транспорт, социальные учреждения, благоустройство города и т. д.), а также их самореализацией и самовыражением, которое проявляется в их творческой деятельности, внешности, поведении и т. д.

Локальная публичная политика в логике исследования представляет собой процесс взаимодействия нескольких акторов для выработки совместного решения по общественно значимой проблеме, решить которую привычными процедурами представляется невозможным. Взаимодействия акторов и формируют поле публичной политики, при этом каждый из них пытается реализовать собственный интерес, используя для этого свои ресурсы, а также агентов. Отсюда вытекает главный вопрос исследования: в роли кого выступает студент, будучи участником взаимодействия «студенты–университет–город». Авторы статьи предприняли попытку сконструировать различные модели, характеризующие роль студентов в поле публичной политики, участниками которого также являются университет и город. Каждая теоретическая модель проиллюстрирована кейсами Самары, Красноярска и Казани.

Ключевые слова: университет, студенчество, третья роль, сообщество, локальная политика, публичная сфера, публичная политика.

DOI: 10.35634/2587-9030-2019-3-4-503-515

Введение

В современном мире роль университета не сводится только к образовательной и научно-исследовательской деятельности. Сегодня университеты берут на себя функции представительства различных интересов, реализуя социальную ответственность не только за собственных преподавателей и студентов, но и за свое пространственно-территориальное окружение. Городской политический контекст, формирующийся вокруг университетов, по мнению Д. Чарльза [17], приводит университеты к необходимости вести собственную политику по выстраиванию взаимоотношений с местными властями. Особенно остро такая задача стоит перед вузами, которые находятся в условиях высокой конкуренции и жесткой борьбы за экономическую и политическую поддержку городских властей, участие в принятии решений, признание местного сообщества, престиж, другие ресурсы и тех же студентов.

В контексте событий лета 2019 года в Москве, активного участия студентов в несанкционированных акциях, масштабных арестов и дела о массовых беспорядках дискуссии об «университете вне политики» и «университете под огнем» приобрели широкий размах в академическом и околоакадемическом сообществе.

Университеты, безусловно, всегда были в центре политики и выполняли политические функции, являясь во все времена поставщиком как политической элиты, так и политической оппозиции. Из этой среды выходили крупные государственные деятели, либеральные ученые, профессиональные революционеры. Студенты вузов, как правило, являются одной из самых активных гражданских групп: они обладают большей мобильностью и, в силу возраста, обостренным чувством социальной справедливости.

Концентрация студентов в российских городах различна. В традиционно «студенческих» городах России доля студентов всё же в разы больше, чем в целом по стране. Игнорировать их присутствие в политическом пространстве таких городов сложно. В большом количестве студенты представ-

ляют собой аудиторию, в лояльности которой заинтересованы участники политического процесса. В то же время, будучи социально активными и образованными, обучающиеся вузов стремятся к самореализации, повышению своего статуса, выражению своих интересов, ценностей и т. д. Это подталкивает их к коммуникации с местным сообществом: университетом, властями, частными компаниями, оппозиционно настроенными акторами и др.

Однако насколько верным будет представлять студентов в российском контексте как самостоятельных акторов, которые стремятся формировать повестку города? Имеют ли они необходимые ресурсы для этого? Возможно, что студенты, будучи подверженными административному давлению как со стороны университета, так и города, сами являются ресурсами в руках действительных акторов. Например, студенческие акции протеста можно рассмотреть с двух сторон. С одной стороны, протест может быть организован студентами, а его лозунги – отражать их интересы. В таком случае студенты выступают акторами, чей инструмент – акционизм, через который они пытаются транслировать свои интересы в повестку городского пространства. Однако, с другой стороны, студенты могут быть лишь аудиторией, которую удалось легко мобилизовать в силу их неустойчивого материального положения. Данная ситуация будет иллюстрировать студентов как некий инструмент, который использовала сторонняя сила, чтобы транслировать свои интересы и влиять, например, на городские власти. Более того, данные примеры не исключают друг друга, так как каждый город представляет собой уникальное пространство, в котором действуют разные акторы, используя разные стратегии и ресурсы.

Теоретико-методологический каркас исследования представляет собой трехэтапную логику рассуждений. На первом этапе с помощью концепции «третьей роли» университета и концепта социальной активности студентов мы обосновали участие и выявили интересы вузов и студенчества в локальной публичной политике.

Концепция «третьей роли» университета, обоснованная Д. Чарльзом [17], дает нам основание понимать под ней прежде всего публичную деятельность. Они прокладывают свой собственный путь через лабиринты формирующихся политик, принимая во внимание возможные трудности взаимодействия с территориальными органами власти различного уровня.

Публичную политику мы рассматривали как поле, основываясь на подходе Ю. Хабермаса [16], чьи работы положили начало традиции изучения публичной политики на основе публичной сферы. Данный подход отталкивается от ключевого качества публичной политики – публичности. Значимость публичности заключается в том, что именно она устанавливает связь между частным и общественным. По логике Ю. Хабермаса, актором публичной политики можно считать того, чьи частные интересы переросли в публичные. Интересы, которые невозможно реализовать в сфере частного, проблемы, «критическая масса» которых сопоставляема с масштабами целой социальной группы или общества, являются публичными. Таким образом, тот, кто способен с помощью своих ресурсов интерпретировать и публично транслировать свои интересы в статусе общественно значимой проблемы, является актором публичной политики. Следовательно, для определения основных акторов публичной политики необходимо следовать обратной логике – от определения основных артикулируемых в пространстве тем к основным интересантам. Дополнила этот подход теория «поля» П. Бурдьё. Концепция публичной политики как поля предполагает, что все поля независимы друг от друга, но при этом похожи. Другими словами, функции и роль участников взаимодействия внутри поля идентичны, но предмет, интенсивность, содержание и степень открытости при этом разные. Именно взаимодействия акторов определяют структуру поля, его свойства и уровень. Стоит отметить, что эти взаимодействия не хаотичны, а стремятся к структуризации и, смеем предположить, некой иерархии. Однако, данная иерархия не обосновательна. Ее определяют прежде всего ресурсы акторов, а также механизмы, которыми могут воспользоваться участники поля публичной политики, чтобы повлиять на других. Наличие ресурсов и их объем рождает властные отношения (причем в любом поле), характер власти определяется спецификой поля.

Один из ключевых элементов публичной политики – обсуждение или дискуссия, в которых выработывается совместное решение акторов по поводу проблемы, которую нельзя решить привычными процедурами. Публичная сфера – коммуникативная среда, наполненная институтами и организациями, созданными для обсуждения публичной политики. Поле публичной политики – это поле конкурентной борьбы за право формировать картину действительности, определять степень актуальности тех или иных проблем, а также говорить от имени других участников. Учитывая, что органы вла-

сти участвуют в обсуждении публичных проблем, обсуждение становится частью «процесса формулирования политики и представляет собой одну из стадий политико-управленческого процесса (public policy-making process) [8]. Таким образом, обсуждения в публичной сфере можно рассматривать как своего рода борьбу за власть или возможность участия в принятии решения

В рамках данной работы наиболее интересным было проанализировать поле публичной политики, которое образуется в ходе взаимодействия трех основных агентов: власть, университеты, студенты. При этом данное взаимодействие не предполагает, что каждый из трех агентов будет выступать в роли актора, который формирует или стремится формировать повестку. Более того, мы предполагали, что ни одного из участников данного взаимодействия нельзя отнести к той или иной категории акторов. По нашему предположению, в зависимости от контекста городского пространства и повода, по которому возникает взаимодействие, данные акторы можно отнести к разным группам влияния. С этой точки зрения лишь город в силу неотъемлемых ресурсов будет всегда относиться к категории самостоятельных акторов. В связи с этим особый интерес представляли университеты и студенты, а точнее, их возможность быть акторами публичной политики, способными влиять на городскую повестку.

На **втором этапе** были выявлены потенциальные роли студентов относительно университета и города. Был сделан вывод о том, что всего их пять: актор, действующий институционально и не институционально, агент, ресурс и изолированный из поля взаимодействия участник.

На **третьем этапе**, в зависимости от той или иной роли студентов, были предложены возможные стратегии двух других участников – городских властей и университета. На основе комбинации наиболее возможных стратегий основных игроков были сконструированы три основные модели взаимоотношений «студенты–университет–город», которые стали основным результатом исследования.

1. *Трехстороннее партнерство* предполагает, что все три стороны заинтересованы в поиске взаимовыгодных решений по тому или иному вопросу, при этом первые два не прибегают к использованию административных ресурсов, а студенты являются полноценным актором.

2. *Модель «университет – чиновник»* исключает возможность для студентов выступать в качестве субъекта локальной публичной политики. Город их от каналов взаимодействия с властью с помощью университетского руководства, которое выполняет функции «приводных ремней».

3. *Сегментированное студенчество* предполагает, что студенчество выступает одновременно агентом города и университета, а также самостоятельным актором. Представим, что есть группа студентов, которая пытается отстаивать свои интересы, вызывая на диалог руководство университета или города. Те в свою очередь, чтобы оправдать свои действия и придать им большей легитимности, используют в качестве агентов подконтрольные студенческие организации. По сути, в такой ситуации студенты противопоставляются студентам.

Обсуждение

Модели интеграции вуза в городское пространство не есть способы его участия в публичной политике города, но есть возможность этого. Реализация той или иной модели, а следовательно, и его роли как актора локальной публичной политики зависит во многом от членов университетского сообщества, их общего понимания и принятия роли университета в региональном пространстве. Внутриуниверситетская политика должна быть выстроена таким образом, чтобы администраторы, профессора и студенты имели мотив реализации университета как актора. Сам университет, будучи институтом, может быть интегрирован в городское сообщество, являясь площадкой для городских событий, кадровым инкубатором, «местом обитания» экспертного сообщества города и т. д.

Стимул или необходимость взаимодействия университета с другими акторами чаще всего объясняется конкуренцией с другими вузами или отстаиванием своей значимости как городского института. Например, представляя вуз как некое предприятие, нужно понимать, что у него также есть конкуренты – другие вузы, с которыми он борется за абитуриентов, поддержку местной власти, а также имидж лучшего. Добиться успеха не представляется возможным без собственной стратегии, т. е. политики, которая в том числе подразумевает действия по формированию определенной городской повестки. Реализация этой повестки выводит университет из статуса института, а точнее, дополняет этот статус характеристиками актора. Предмет повестки может касаться актуализации положения университета в городе, необходимости высшего образования, повышения своей значимости в качестве научного центра.

В рамках данного исследования наиболее интересными с точки зрения попыток трансляций своих интересов в поле публичной политики региона стали группы студентов и администрации. Первые находятся в фокусе нашего исследования, а вторых нельзя исключить в ходе исследования локальной публичной политики на предмет участия в ней студентов как части университетского сообщества. Именно они выполняют представительные функции (прежде всего в лице ректора).

Понимание потенциального местонахождения студенчества и вообще возможности нахождения данной социальной группы в публичной политике стало возможным после анализа социально-политической активности молодежи в целом. В государственной повестке молодежь является инструментом решения не только политических задач, но в большей степени – социально-экономических. В контексте этого выросла роль молодого человека, который не просто интегрирован в политическую жизнь общества, но и представляет собой высококвалифицированного специалиста, что в подавляющем большинстве предполагает наличие высшего образования. Именно студенты являются будущими представителями интеллигенции, квалифицированными специалистами, от сознания и поведения которых зависит успешное развитие не только экономики страны, но и социально-политической сферы российского общества. Именно в рядах студентов воспитываются будущие лидеры общественного мнения, которые в будущем будут формировать повестку в том числе локальной публичной политики.

Стремление студента участвовать в публичной политике можно отследить посредством его социальной активности, которая будет характеризоваться действиями, направленными на то, чтобы его представитель был замечен и включен в процесс формирования повестки.

Претензию студентов на участие в публичной политике, помимо закрепленных положений на федеральном уровне, также определяет их статус полноправных жителей (пусть иногда временно) конкретной территории. Публичная политика предполагает продвижение частных интересов в категорию общественных, т. е. разделяемых многими. Исходя из этой логики, мы предполагаем, что более систематическое участие студентов в поле локальной публичной политики происходит в городах с наибольшей концентрацией студентов. При этом мы не исключаем, что яркие прецеденты могут встретиться и в «нетипичных» для активной студенческой жизни городах. Представляя значительную долю населения, студенты, как категория горожан, требует к себе повышенного внимания со стороны властей, которые заинтересованы в лояльности с ее стороны. Следовательно, игнорировать интересы студентов, их запросы к городской инфраструктуре, условиям обучения и проживания (в случае с иногородними) будет невыгодно.

Будучи пользователями инфраструктуры конкретного региона, они имеют свое видение на устройство пространства данного региона. Следовательно, они представляют интерес для местных властей как социальная группа, которая также может проявлять или не проявлять свою лояльность к региональному политическому курсу.

Анализ социально-политической активности студентов показал, что в качестве общественно значимых проблем студенты могут продвигать в поле публичной политики интересы, связанные с их социальным положением (льготы, стипендии, стоимость обучения и т. д.), организацией городской инфраструктуры (транспорт, социальные учреждения, благоустройство города и т. д.), а также их самореализацией и самовыражением, которые проявляются в их творческой деятельности, внешности, поведении и т. д. Последнее в наибольшей степени демонстрирует особенности студентов как возможных акторов публичной политики.

Говоря о форме их участия, мы выделим два основных способа: институциональный и неинституциональный. Под первым нами понимаются продвижение интересов через профессиональные, творческие, научные, спортивные организации студентов, участие в специальных дискуссионных площадках, форумах и другое, что подразумевает формализованные взаимоотношения и процедуры. Неинституциональный способ участия, напротив, предполагает неформальное, спонтанное, возможно, нелегальное участие (протесты, митинги, забастовки и другие виды акционизма).

О большом спектре возможностей для конфигурации ролей во взаимоотношениях «власть – университеты – студенты», а также разнообразии конкретных акторов в рамках поля публичной политики того или иного города говорят три основных тезиса, которые следуют из теоретических обоснований, изложенных выше.

Во-первых, ни теория публичной политики, ни российские реалии не позволяют нам сформулировать такую модель взаимоотношений, которая бы исключала власти в качестве актора локальной

публичной политики. Что касается данного участника поля публичной политики, открытие может быть обнаружено лишь при определении конкретного лица данного актора, в качестве которого могут выступать: губернатор, мэр, министр, начальник департамента или целое ведомство.

Следовательно, разные университеты в разных городах имеют разную степень вовлеченности в городскую жизнь. Поэтому не каждый вуз можно считать актором публичной политики. Более того, конкретный вуз может выступать в рамках поля публичной политики в лице администраторов, академиков или студентов. При этом – использовать в качестве аргументов интересы и мотивы любой из трех категорий, что автоматически ставит одну группу университетского сообщества в статус так называемого «ресурса» для другой, которая выступает актором. Также университет может быть агентом, представляя студенческую сторону перед властью, или, напротив, выступить в качестве посредника от лица региональной (государственной) власти. Имея возможность административного давления по отношению к студентам, вуз может использовать их как актор, а также может быть использован сам в качестве ресурса города для его контроля над обучающимися.

Таким образом, третий тезис подразумевает, что студенты в контексте локальной публичной политики могут выступать в роли актора или ресурса. Как и в случаях с властью и университетом, лицо студенчества в качестве актора может отличаться: это может быть как конкретный человек, который выступает лидером студенческого объединения или продвигает свои интересы в одиночку, либо студенческая организация в целом. Учитывая различные формы участия студентов в политике, это может быть регулярное объединение студентов в виде, например, студенческой профсоюзной или молодежной политической организаций либо это может быть временное объединение без жесткой структуры, организованное для участия в митинге. Однако последнее скорее говорит о способе участия в поле публичной политике, а не о конкретном акторе, который организовал это.

В связи с широкой вариативностью моделей взаимоотношений «студенты–университет–город» перед нами встает задача подчинить множество конфигураций логике и упорядочить их. Модель взаимоотношений «студенты–университет–город» представляется нам в виде треугольника, где каждый участник есть вершина, взаимосвязанная с двумя другими. При этом статус трех участников может меняться в зависимости от их роли в поле публичной политики: актор (институционально / не институционально), не актор, агент или ресурс. Статус «не актор» подразумевает, что участник не включен во взаимодействие, несмотря на то, что повестка касается в том числе и его интересов. В рамках данного исследования интерес для нас представляют модели, которые отличаются по статусу именно студентов. Примером ситуации, когда студенты получают статус «не актор», может служить подписание в ноябре 2018 года несколькими ставропольскими вузами соглашения о сотрудничестве с правоохранительными органами. Документ предусматривает отчисление студентов за совершение ими административных правонарушений. На защиту студентов встали представители политических партий и НКО, при этом сами студенты не были включены во взаимодействие университета и города.

В связи с тем, что нами было определено два способа участия студентов в локальной публичной политике в качестве актора (институциональный и не институциональный), нам видится оправданным разделить модель «студент–актор» дополнительно на две соответствующие способу его участия модели. Таким образом, на основе теоретических описаний локальной политики, а также университетов и студентов как ее акторов мы сформулировали пять основных моделей взаимоотношений «студент–университет–город» в соответствии с ролью студентов в них: «студент – ресурс», «студент – агент», «студент – не актор», «студент – актор институционально», «студент – актор не институционально».

В своей сути вопрос роли студентов напрямую зависит от того, кто выступает аккумулятором интересов столь большой категории и их транслятором в поле публичной политики. На первый взгляд таковыми должны выступить сами студенты, организовываясь в определенные структуры в виде различных объединений. Однако горизонтальные связи студенческого сообщества, которые выступают объединительным ресурсом для молодых людей, являются одновременно препятствием, так как не подразумевают выделение лидера, способного объединить всех в одну структуру.

Данное обстоятельство обеспечивает возможность вуза в лице прежде всего ректора выступать от лица обучающихся. Используя административный ресурс, он имеет инструмент воздействия на студентов, который он может использовать для поощрения или наказания обеспечивая, тем самым лояльность к своей персоне. Административные возможности также обеспечивают коммуникацию со студенческим сообществом, позволяя транслировать определенные установки и, наоборот, получая обратную связь. Это ставит студентов под полный контроль со стороны администрации университе-

та, которая в свою очередь приобретает мощный ресурс воздействия на администрацию города. Выступая основным коммуникатором между властью и студентами, ректор, реализуя представительную функцию, получает возможность транслировать собственные интересы под видом студенческих либо использовать ресурс студенчества в качестве аргумента для лоббирования своих интересов. Следовательно, студенты оказываются изолированными от канала коммуникации с властью.

Если при этом нет альтернативной ректору и независимой от него и города структуры в виде студенческих профсоюзов или других молодежных организаций, представляющих интересы обучающихся, единственной возможностью студентов включиться в поле публичной политики и влиять на повестку становится акционизм.

Важно отметить что власть в таком случае, может использовать две стратегии. Первая подразумевает, что ректор выступает удобным рычагом влияния на студентов. Следовательно, отношения между городской властью и ректором будут партнерскими: первые будут заинтересованы в обеспечении контроля над большой по численности категории горожан, которую при необходимости можно мобилизовать в качестве волонтерского труда или электоральной поддержки. Последний в свою очередь, получит материальную и административную поддержку в виде особых привилегий для вуза или грантовой помощи, а также доступ к властному ресурсу в виде так называемых полезных контактов и возможность политической карьеры.

Говоря о городской власти, речь может идти как о мэрах, так и о главе региона, что объясняет два фактора. Во-первых, наибольшее количество университетов, среди которых наиболее активные и крупные учебные заведения, обычно располагаются в региональной столице, в пространстве которой действует и глава региона. Во-вторых, абитуриенты, в чьем городе нет возможности получить высшее образование, зачастую выбирают вуз в «главном» городе своего субъекта. С этой точки зрения университеты (исключая федеральные вузы), не способные конкурировать на национальном рынке образования, стремятся расширять свое влияние именно внутри региона, что неизбежно предполагает взаимодействие именно с губернаторами.

Вторая стратегия предполагает, что ректор и губернатор выступают конкурентами в борьбе за студенческую аудиторию. В этом случае политика города или целого региона может быть направлена на создание новых или поддержание существующих институтов, которые обеспечивают формальное или как минимум контролируемое участие студентов в локальной публичной политике. В роли таких институтов могут выступать молодежные парламенты, резервы губернатора, конкурсы городских и региональных грантов, а также иные структуры, подконтрольные власти или те, представители которых выступают партнерами власти (как в случае с ректором в первом случае). Последними могут выступить профсоюзы, молодежные крылья партий, студенческие советы и т. д. Такая стратегия исключает монополию влияния университетской администрации на студентов.

Учитывая сформулированные выше предположения, сложно представить ситуацию, при которой студенчество выступает самостоятельным актором локальной публичной политики. Однако, исходя из логики опять же вышеописанных суждений, можно предположить, что площадкой, на которой появится или уже существует некий агрегатор интересов студентов, их модератор и коммуникатор с другими акторами поля публичной политики, могут выступать студенческие организации, учрежденные и функционирующие в рамках вуза, либо структуры, созданные городом и регионом.

Но есть ли такой институт, который не попадает в зону влияния ни города, ни университета? Такое условие, скорее всего, ограничивает выборку локальными структурами, которые по своей деятельности и масштабам не попадают во внимание высшей школы и города, а также неспособны функционировать в рамках публичной политики по тем же причинам. Наиболее подходящим примером такого может выступить региональная ячейка федеральной структуры. Представим, что, учрежденная на национальном уровне, сформировавшаяся в течение нескольких лет, не имеющая влияния ни университета, ни города, она представляет собой самостоятельного актора локальной публичной политики. В таком случае в отношении с городом в качестве коммуникатора она встает на один уровень с университетом, но при этом в качестве руководства, то есть представителя, имеет студента или избранного студентами человека. При первом приближении в роли таких организаций могут выступить студенческие отряды, имеющие долгие традиции, собственную систему управления и мотивацию членства студентов в виде возможности самостоятельного заработка. Другой вариант – студенческий координационный совет [12] – структура, вышедшая из всероссийской структуры Профсоюза образования, имеющая региональные отделения и федеральную верхушку, избранную всероссийским голосованием студентов. Од-

нако и в этом случае неподконтрольность региональной ячейки зависит от регионального лидера, а также встает вопрос о заинтересованности федерального руководства, что автоматически может вывести взаимодействие региональной ячейки с местными властями из поля локальной политики. В любом случае, по нашему мнению, стоит рассматривать эту структуру в рамках данного исследования.

Для определения жизнеспособности разработанных моделей была предпринята попытка их иллюстрации с помощью реальных кейсов, обнаруженных в ходе анализа практик российских городов.

В качестве исследуемого периода было определено последнее трехлетие – 2016–2019 гг. Наш выбор обоснован его актуальностью, в том числе благодаря соответствию с периодом последнего электро-цикла, начало которого определила выборная кампания в органы большинства регионов, а также в федеральный парламент Российской Федерации. Особенность кампании также отвечает фокусу нашего исследования, следовательно, подтверждает обоснованность выбора хронологических рамок исследования. Первичный анализ программ партий и кандидатов в органы разных уровней показал тренд на актуализацию молодежной и в том числе студенческой повестки. Более того, многие региональные отделения разных партий и некоторые партии на федеральном уровне в выборе своих кандидатов сделали акцент на молодых кандидатах, а также формулировали в качестве основной идеи предвыборной программы так называемое «омоложение» своего состава. В контексте актуализации молодежи и студентов в формулируемой повестке вопрос об их реальном участии в политическом процессе и конструировании смыслов представляется особенно интересным для исследования.

Выбор конкретных кейсов был определен главной задачей этапа исследования – иллюстрацией сконструированных моделей. В ходе первичного анализа был проведен мониторинг новостной повестки на предмет активизации студентов в публичной политике российских городов. Посредством специальной электронной базы для анализа новостных материалов был проведен контент-анализ, в качестве единиц которого были использованы такие риторические конструкции, как «студенты выступили», «студенты предложили», «студенты против», «студенты вышли на митинг» и т. д. Обнаруженный объем новостного контента был структурирован в несколько этапов. На первом был определен список городов, в которых в течение трех лет была отмечена потенциальная активность студентов в публичной повестке. На втором этапе все случаи были ранжированы по степени резонансного эффекта, который был определен по таким показателям, как цитируемость и упоминаемость в СМИ. Наконец, на третьем этапе кейсы анализировались поочередно в порядке уменьшения степени их популярности в новостной повестке на предмет соответствия той или иной модели. Таким образом, нами были определены три основных кейса.

Уступка в рамках интересов (Самара, ноябрь 2016 г.)

Осенью 2016 года в Самаре прошел пикет против повышения стоимости проездных билетов для студентов на муниципальном транспорте. По разным оценкам, в нем приняло участие порядка 150 студентов [10], а соответствующую петицию подписало порядка 8664 человек. Население Самары при этом составляет 1,16 млн человек, из которых 83,5 тысячи – студенты. Таким образом, в пикете приняло участие менее 1 % от всех самарских студентов. Тем не менее результатом пикета стали отмена губернатором Самарской области решения мэра, а также ввод дополнительных карт с определенным лимитом поездок. Мотив губернатора Николая Меркушина можно объяснить его желанием укрепить свои позиции на посту главы региона. На тот момент СМИ активно обсуждали его отставку [1]. Возможно, что принятие популистского решения в пользу студенческого сообщества, чья доля населения города составляет 8 %, казалось ему инструментом снижения градуса напряженности по поводу его губернаторства. Более того, возможность давления губернатора на мэра Олега Фурсова легко просматривается, так как последний был избран в 2015 году конкурсной комиссией под председательством первого.

Более того, «ответные меры» позиционировались как совместное решение администрации города и студенческого сообщества: согласно релизу, размещенному на официальном сайте администрации городского округа Самары, «соответствующую инициативу студенческого сообщества, высказанную на одной из встреч, поддержала Администрация города».

Ряд встреч, в результате которых было принято решение, был организован Федерацией профсоюзов Самарской области во главе с ее председателем Павлом Ожередовым, которая выступила в качестве агента. Важно отметить, что позиция профсоюза была посреднической, так как основная причина проведения встреч, как отмечал официальный источник Федерации профсоюзов, – «необходимость снижения социального напряжения в обществе» [15]. Возможно, благодаря нейтралитету именно Дом профсоюзов стал площадкой взаимодействия студенческих профкомов и общественности города по выра-

ботке совместного решения. Однако городская власть в лице главы города Фурсова самоустранилась от прямого контакта с участниками как организованной встречи, так и пикета. При этом Федерация профсоюзов, используя в качестве системы коммуникации профкомы, организовала сбор 12 000 подписей студентов за снижение стоимости проезда и проездных, а в своем комментарии Павел Ожередов отметил, что «в случае отсутствия положительных решений по отмене ранее принятых непопулярных мер со стороны городской администрации профсоюзы региона готовы к законному способу защиты интересов всех категорий граждан – протестным действиям». Однако в качестве организаторов пикета выступили студенты Самарского университета Полина Баранова, Григорий Фрес и Даниил Брежнев, преподаватель английского языка Максим Квятковский, молодой физик Андрей Першин и молодой оппозиционный политик Владимир Авдонин [5]. Основной площадкой их взаимодействия со студентами стала группа в социальной сети «ВКонтакте» («митинг против повышения проездного тарифа») [7], в которой состоит порядка 250 человек. Именно в ней размещалась информация о времени и месте сбора, а также осуществлялась трансляция основных событий, связанных с решением проблемы проездных билетов. Мотив молодых людей ввиду их большого количества уловить сложно, но, учитывая участие политика в числе организаторов, мы можем предположить, что это была попытка выступить в качестве лидеров студенческого мнения для дальнейшей политической деятельности. В любом случае в риторике организаторов прослеживается стремление оформить собравшихся на пикет в более регулярно действующую структуру: «Теперь мы познакомились, и студенты, найдя единомышленников и единопутников, объединились. Будем писать, обращаться в администрацию, а в своей среде будем вдохновлять и теребить сомневающих и ленивых» [7].

Таким образом, в качестве акторов мы видим две разные по своим форматам взаимодействия в поле публичной политики организации. С одной стороны – профкомы студентов, которые благодаря своей репутации и лояльности со стороны студентов (профкомы собрали более 10 000 тысяч подписей студентов), городских властей, университетов и Федерации профсоюзов смогли выступить акторами, когда прецедент был перенесен в формализованные рамки круглого стола. С другой стороны – группа студентов и молодых преподавателей, не имеющая официального статуса, действующая посредством пикетов, в которых участвует незначительное число студентов. Большую роль в разрешении конфликта сыграла Федерация профсоюзов, которая выступила агентом. Федерации удается привлечь к обсуждению официальные общественные объединения: ОНФ, студенческие профкомы, Молодежный совет ФПСО, тем самым легитимировав свою стратегию решения проблемы.

Когда конфликт был перенесен в русло более формализованного поиска решения, модель «студенчество – актер неинституционально» не смогла реализоваться, так как очевидно, что город и Федерация профсоюзов не были заинтересованы во взаимодействии с группой организаторов митинга. Взамен «игрокам» вне структур были включены институционализированные студенческие организаторы – профкомы. Изначально Федерация профсоюзов в качестве агента была воспринята как конкурент группе студентов-организаторов митинга. «Был круглый стол с якобы представителями студенчества. Что это были за студенты, не знаю. Наверное, те, что говорят удобные для властей вещи и соглашаются со всем», – комментировал один из лидеров митингующих Максим Цветковский [10]. При этом после положительного для студенческого сообщества решения городской администрации в группе митинга был опубликован пост с благодарностью: «Скажем спасибо: равнодушным и активным ребятам – гип-гип ура! спасибо вам! Серьезным управителям Павлу Ожередову – председатель федерации профсоюзов, Геннадию Котельникову – председатель совета ректоров Николаю Меркушкину – губернатор, Олегу Фурсову – глава г. о. Самара».

Данный кейс демонстрирует две модели: «студенчество – актер институционально» и «студенчество – актер неинституционально». Реализация первой в форме митинга вызвала резонанс, в том числе благодаря городским СМИ, что включило студентов в поле публичной политики. Реализация второй способствовала дальнейшему продвижению интересов студентов через институционализированные каналы взаимодействия, которые были недоступны организаторам митинга. Администрация города и университета при этом самоустранились от прямого участия в обсуждении актуализированной темы, предпочтя действовать через Федерацию профсоюзов и Совет ректоров, которые выступили их агентами. Таким образом, Федерация профсоюзов в данном конфликте выступила «двойным» агентом. Более формализованный и посредственный механизм взаимодействия позволил городу избежать открытого конфликта со студентами, сохранив при этом возможность влияния на повестку. Более того, благодаря включению Федерации профсоюзов удалось поменять «правила игры», сделав

основными акторами профсоюзы, которые представили интересы студентов и снизили градус накала через сбор подписей. Так пример Самары иллюстрирует модель *трехстороннего взаимодействия*. Противоположный кейс демонстрирует Красноярск.

Конфликт в периметре университета (Красноярск, 2019 г.)

В Красноярске работают 9 вузов, один из которых – Сибирский федеральный университет. Общая численность студентов составляет 76 293 человека, что составляет порядка 14 % от всего населения города (1 095 206 чел.). Территория крупнейшего вуза является студенческим городком, вписанным в общегородскую инфраструктуру Красноярска в качестве отдельного района города. Более того, тема студенчества в 2019 году была актуализирована в городской повестке в связи с проведением Всемирных зимних студенческих игр «Универсиада-2019».

Сразу после завершения Универсиады студенты и преподаватели Сибирского федерального университета в открытом письме ректору университета выступили против инфраструктурных изменений пространства города – железного ограждения вокруг кампуса СФУ, который был возведен по требованиям безопасности на время игр. Основная претензия студентов и преподавателей – сложность доступа в здания университета, а также уменьшение парковочных мест.

Большинство региональных СМИ ссылаются на группу «Вконтакте» «Че пацаны СФУ» (memes) (vk.com/sfumem). Основной площадкой для координации студентов, аналогично самарскому кейсу, выступили социальные сети. В группе мы наблюдаем призывы студентов к митингу, а также сбору подписей в поддержку демонтажа забора. Важно отметить, что в данной ситуации отследить действия преподавателей как акторов сложно. Они ограничиваются написанием письма одной из преподавательниц [13]. Мы можем предположить, что в силу большей зависимости от руководства вуза преподавательское сообщество не имеет достаточного мотива для кооперации, что снижает его активность в поле публичной политики.

Студенты, которые позиционировали себя представителями штаба Алексея Навального в Красноярске, взяли на себя роль актора. Именно под их началом осуществлялся сбор подписей, которых в конечном итоге оказалось более тысячи. Также активисты штаба провели пикет на территории студгородка, но без участия студентов. Основной целью мероприятия был сбор подписей для его передачи руководству вуза [3].

Руководство вуза для разрешения конфликта приняло решение встретиться со студенческими организациями университета для разъяснения ситуации. Тем самым университет игнорирует неинституциональные каналы коммуникации. В качестве актора вновь выступила профсоюзная организация СФУ, к которой, по данным официальной группы «Вконтакте» «Профком СФУ», обратилось около 2000 студентов. Основной аргумент о необходимости переговоров заключался в формулировке «для снижения социальной напряженности», что указывает на нейтральную позицию профкома. Позиция ректора заключалась в том, что забор не должен быть демонтирован. В качестве аргументов приводилось три основных тезиса: забор является федеральной собственностью, что усложняет процедуру, на демонтаж у вуза нет необходимых средств, забор является частью университетского проекта «Безопасный кампус». Стоит отметить, что профком студентов в рамках коммуникации со студентами также опирается на данную риторику, ссылаясь на пресс-службу университета.

В ходе переговоров стороны пришли к незначительным послаблениям режима безопасности на территории СФУ, которые касались отмены досмотра в части зданий. Забор по территории всего кампуса демонтирован не был. На наш взгляд, красноярский кейс отчасти схож с самарским. Во-первых, мы наблюдаем попытки включения студентов в поле публичной политики двумя способами: институциональным и неинституциональным. Во-вторых, так же как и в Самаре, посредническую роль берет на себя профсоюзная организация. В-третьих, основным каналом коммуникации внутри студенческого сообщества выступают социальные сети. Однако есть принципиальные отличия, которые не позволяют нам отнести данный пример к предыдущей модели.

Во-первых, в данном случае затруднительно говорить о том, что был допущен прецедент прямого включения студентов в публичную политику. Да, студенты ставили свои подписи за демонтаж ограждений и писали обращения в профком, тем самым выражая свой интерес. Однако в первом случае агентом выступил штаб оппозиционных сил, который в нашей методологии сложно назвать агентом. На наш взгляд, в данном случае штаб был отдельным актором, который преследовал собственный интерес, связанный с PR-деятельностью. Во втором случае профком скорее выступал не как актер от лица студентов, а как агент, преследовавший интерес руководства университета снизить соци-

альную напряженность. Анализируя кейс, можно увидеть, что масштабы конфликта не выходят за пределы университета, так как городская власть отстранилась от участия в этом, несмотря на то что вопрос, по сути, касался инфраструктурных изменений города, в которых ранее город принимал участие (заборы были установлены не только вокруг территории вуза). Участие города ограничилось согласованием пикета штаба Навального, а также комментарием вице-мэра о том, что резких высказываний против забора в адрес городской администрации не поступало.

Таким образом, основными конфликтными сторонами выступили университет и студенты, где вторые развернули целую акцию в виде флешмоба в соцсетях: студенты публиковали различные мемы, в которых университет демонстрировался как учреждение закрытого типа; основной хештэг, который использовали участники, – *#мамаячусьвтюрьме*. Также в негативном образе изображался ректор университета Владимир Колмаков [6]. Отстраненная роль города в качестве актора и, как результат, конфликтное взаимоотношение студентов и ректора указывают на то, что красноярский кейс демонстрирует модель «университет–чиновник». Решение о неучастии города в данном конфликте можно объяснить нежеланием участия в принятии непопулярного решения. В отличие от Самары, где было принято положительное для студентов решение, полностью зависящее от городского главы, в Красноярске вопрос требовал значительных бюджетных вложений, а также необходимости решения вопроса на федеральном уровне, что, на наш взгляд, и сыграло большое значение в выборе городом такой стратегии.

Конфликт ограничился стенами вуза благодаря профкому студентов, выступившему в роли агента университетского руководства. Еще один схожий с самарским кейсом сюжет – игнорирование неинституционального актора в лице штаба оппозиционных городским властям сил. Последние использовали студентов в качестве ресурсов и не были их агентами, выступив в качестве самостоятельного актора, который заинтересован в собственном продвижении внутри городской повестки.

Анализируя студенчество с точки зрения участия в локальной публичной политике, можно говорить о нескольких ролях, которые прослеживаются в данной ситуации: попытки «студенчество – актор институционально» и «студенчество – актор неинституционально», «студенчество – ресурс», а также «студенчество – агент» в случае с профсоюзной организацией. Последнее демонстрирует возможность университета сегментировать студенческое сообщество, привлекая на свою сторону более лояльные структуры, в данном случае – профком. Наиболее яркий пример ситуации «Сегментированного студенчества» демонстрирует Казань.

Студенты vs студенты (Казань, 2019 год)

Население Казани составляет порядка 1,2 млн жителей, доля студентов при этом составляет чуть более 11 % (113 368 студентов). Также Казань входит в 10 лучших городов по качеству образования. В 2012–2014 годах о Казани заговорили как о студенческой столице, что было связано с образованием нового наукограда города-спутника Казани – Иннополиса – и проведением летних студенческих игр «Универсиада – 2013».

Однако в Казани отсутствуют какие-либо студенческие льготы, что стало причиной серьезного недовольства студентов зимой этого года. Как и в случае с Самарой, поводом стали повышение платы за проезд и отмена лимитированного проездного. В январе 2019 года инициативная группа студентов опубликовала петицию [4], которая обращена к главе Татарстана Рустаму Минниханову, председателю Госсовета РТ Фариду Мухаметшину, министру по делам молодежи республики Дамиру Фаттахову. Особенность кейса в том, что в отличие от предыдущих уровень локальной политики масштабирован до региональной. На наш взгляд, причин этому две: во-первых, вопрос транспортной инфраструктуры в Татарстане является по большей части компетенцией региона. Во-вторых, политическая культура Татарстана и его система создали условия, при которых основные ожидания населения по поводу изменений связаны с руководством республики.

Еще одна особенность казанского случая – роль университетов. Вот как выразила свою позицию в одном из СМИ начальник управления внеучебной работы КНИТУ-КАИ Ирина Халитова: «Мы студентов держим, успокаиваем, но могут быть и волнения. Мы говорим, что Казань – третья столица, кичимся, что Казань – студенческий город, наша задача – привлекать студентов из других регионов, а республика со своей стороны не может компенсировать самое необходимое» [14]. Подобную позицию выразили руководства других вузов. С одной стороны, мы видим, что и в случае с Казанью университет берет на себя роль «приводных ремней», сдерживая социальное напряжение, но, с другой стороны, университет усиливает позицию студентов. Свою роль в снижении социальной напряженности вновь сыграли профсоюзные организации. В некоторых учебных заведениях действуют социальные программы по транспорту. Так, члены профсоюза Казанского федерального университета могут возместить часть стоимости проезда [2].

Еще одна схожая черта с предыдущими кейсами – активизация оппозиционных сил, которые взяли на себя роль агентов студенчества, но при этом реализовывали собственные интересы. Одним из итогов студенческого недовольства стал круглый стол о тарифах на проезд в общественном транспорте и студенческих проездных билетах. Обсуждение инициировала не партия власти, а КППРФ.

Республиканское руководство предложило вдвое увеличить субсидию в 1000 рублей, которая выдается студентам-активистам. Однако такое предложение не удовлетворило студентов, так как даже при увеличении льготы субсидию получили лишь 4 % студентов Казани. Однако в поддержку данного решения выступила студенческая организация «Лига студентов Республики Татарстан» в лице вице-президента организации Камолитдина Бобохонова. Стоит отметить, что поддержка была выражена на круглом столе, по сути единственном официальном мероприятии, где встретились город и студент. Поэтому в официальном формате именно «Лига студентов» представляла интересы студентов. После этого в СМИ появились доводы и комментарии студентов, которые указывали на то, что студенческая организация поддержала невыгодное решение, которое не поддерживают большинство студентов, а организация лишь продемонстрировала свою лояльность власти.

Таким образом, республиканское руководство использовало студенческую организацию «Лига студентов» в качестве своего агента, чья поддержка легитимировала его решение со стороны студентов. На официальном сайте организации в качестве учредителя указано правительство Республики Татарстан, а среди целей, помимо защиты интересов студентов и их координации, также отмечено: «Содействие государственной политике, решениям, принимаемым органами государственной власти Российской Федерации и Республики Татарстан, органами местного самоуправления, соответствующим законным интересам большинства студентов и аспирантов» [9].

Данная ситуация иллюстрирует пример «сегментированного студенчества» в явном виде. Студенты оказались расколоты и не смогли продвинуть свои интересы как единый актер. Таким образом, взаимодействие с властью осуществлялось через агентов – подконтрольной «Лигой студентов» с одной стороны и представителями КППРФ – с другой. В рамках круглого стола эти участники противостояли друг другу. Однако, так как республиканская КППРФ выступила в качестве организатора этого мероприятия, а решения круглого стола не носили обязательного характера, интересы данного агента и эффективность его действий оценить сложно. Действия студенчества как актора были представлены лишь в виде петиции. Казанский кейс демонстрирует нам модели «студенчество – актер институционально», «студенчество – агент», «студенчество – ресурс». Университет в данном случае выполнял роль «двойного агента»: контролируя социальное напряжение с одной стороны и усиливая позицию студентов в поле публичной политики путем ее поддержки – с другой.

Выводы

Студенчество в поле локальной публичной политики может выступать актором, актуализируя ту или иную проблему. Чаще всего и в то же время эффективнее включение студентов в публичную политику происходит через неинституциональные способы (пикеты, митинги и другие виды акционизма). Связано это с тем, что институциональные способы, т. е. действия через студенческие организации, являются менее прозрачными, сами студенческие организации, ввиду отсутствия финансовой и организационной самостоятельности оказываются подконтрольными или лояльными руководству города и вуза, что автоматически переводит их из статуса актора в статус агентов, которые действуют в интересах последних. Следовательно, включение студентов в поле публичной политики по модели «студенчество – актер неинституционально» блокируется решением университета или города по организации институциональной площадки для переговоров с недопуском неинституциональных акторов.

Основная повестка, с которой студенчество предпринимает попытки включения в поле публичной политики, – вопросы, связанные с предоставлением социальных льгот и гарантий, а также с благоустройством городской инфраструктуры. В ходе осуществления выборки и анализа кейсов нами не были обнаружены случаи, связанные с проблемами самовыражения студенческого сообщества и его отдельных групп. Предполагаем, что это связано с тем, что конфликты по этому поводу не имеют достаточной общественной значимости или вписываются в существующие процедуры регулирования, что не позволяет спровоцировать публичной огласки.

Для каждого из проанализированных кейсов характерно то, что студенты при включении в поле публичной политики неинституциональным способом не имеют структурного единства, в основе которого находится иерархичное подчинение. Это связано с отсутствием явного лидера в силу того, что инициатор включения не берет на себя эту функцию или не обладает достаточной лояльностью

со стороны сегментированного студенческого сообщества с горизонтальным порядком взаимосвязи. Это в свою очередь ведет к тому, что на этапе переговоров студенческое сообщество может быть разбито на сегменты, интересы и мотивы которых могут противоречить друг другу, следовательно, лоббистская функция остается нереализованной. Основным каналом коммуникации студентов, как правило, выступает социальная сеть «ВКонтакте». Предполагаем, что формат сообществ, относительная анонимность и возможность выражения своего недовольства без специальных действий (написание петиции, выход на митинг) играют важную роль в актуализации той или иной проблемы на первом этапе – внутри студенческого сообщества.

В связке «город–университет» последний чаще всего выступает агентом первого для снижения социальной напряженности среди студентов. Это говорит о том, что город не готов к взаимодействию со студентами в качестве самостоятельных акторов, предпочитая ограничивать их университетским пространством и взаимодействием с руководством вуза. Вероятность включения города во взаимодействие со студентами возрастает в том случае, если город имеет достаточные ресурсы, компетенцию и интерес в удовлетворении запроса студентов. В противном случае город избегает репутационных рисков, которые заключаются в потере лояльности со стороны студентов как одной из категорий жителей. В то же время в поле включается еще один актер – оппозиция действующей власти, которая, напротив, пользуется возможностью заполучить лояльность со стороны студентов, взяв на себя роль их агента. С одной стороны, это возможность для неконсолидированного и не оформленного институционально студенчества быть представленным в диалоге с властью, но с другой – оппозиция также преследует свои интересы, поэтому она скорее имеет статус скрытого актора, который использует студентов как ресурс включения в публичную политику. Ситуация, в которой университет и студенты могут выступать с единой позицией, говорит скорее о сегментации университета на преподавателей и администраторов, последние, как правило, выступают на стороне города.

В любом случае эффективное участие студентов в локальной публичной политике в качестве актора требует решения вопроса об институциональном переформировании каналов их взаимодействия с другими акторами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барабанов И., Самохина С., Титов, С. Николаю Меркушкину вновь пообещали отставку // Коммерсантъ. 10.10.2016. № 187. С. 3. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3112113>
2. В Татарстане властям предложили ввести студенческий проездной. // inkazan.ru. URL: <https://inkazan.ru/news/society/15-01-2019/v-tatarstane-vlastyam-predlozhili-vvesti-studencheskiy-proezdnoy>.
3. Дачникам скажите – быстро и бесплатно разберут: у забора СФУ прошел пикет за его снос // NGS24 ru. URL: <https://ngs24.ru/news/more/66042778/>
4. За студенческий проездной в республике Татарстан! Петиция. URL: www.change.org/p/за-студенческий-проездной-в-республике-татарстан
5. Лебединская К. «Подкиньте на проезд»: как прошел студенческий пикет // «Большая Деревня» – сайт о Самаре. URL: <https://bigvill.ru/city/24748-podkinte-na-proezd-kak-proshel-studencheskij-piket/16.10.2016>
6. Макаров А. #мамаяучусьвтюрьме Как ректор СФУ посадил студентов за решетку // Babr24.com. URL: <https://babr24.com/kras/?IDE=187919>
7. Митинг против повышения проездного тарифа. ВК. URL: https://vk.com/privet_piket
8. Панов П.В., Фадеева Л.А. Региональная политика: институционализация, трансформация, традиции // Мировая политика: проблемы теоретической идентификации и современного развития. Политическая наука. Ежегодник. Москва: РОССПЭН, 2005. С. 321-348.
9. Региональная молодежная общественная организация «Лига студентов Республики Татарстан». URL: <http://liga.tatarstan.ru/>
10. Самарские студенты готовят очередной митинг против новых тарифов на проезд // МК.ru. Самара от 27.10.2017 URL: <https://samara.mk.ru/articles/2016/10/27/samarskie-studenty-gotovyat-ocherednoy-miting-protiv-novykh-tarifov-na-proezd-v-obshhestvennom-transporte.html>
11. Смирнов В.А., Фадеева Л.А., Пунина К.А., Голубев С.В. Университет и региональные (городские) сообщества: модели сосуществования и управленческие механизмы интеграции (российский и европейский опыт) // Ars Administrandi. Искусство управления. 2013. № 4. С. 102–116.
12. Студенческий координационный совет Профсоюза // Сайт Общероссийского Профсоюза образования: URL: <https://www.eseur.ru/students/>
13. СФУ за забором (Красноярск). (26 03 2019 г.). Телекомпания ТВК (youtube). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fltXdHa2AtQ>.

14. Турцева Д. Мы студентов держим, успокаиваем, но могут быть и волнения // Интернет-газета «Реальное время» от 15.03.2019 г. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/132852-studenty-v-tatarstane-trebuyut-studencheskiy-proezdnoy>
15. Федерация профсоюзов Самарской области. URL: http://fpso.ru/news/news_fpso/
16. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества. М.: Весь Мир, 2016.
17. Charles D. Universities and Engagement with Cities, Regions and Local Communities // Rebalancing the Social and Economic: Learning, Partnership and Place / ed. by C. Duke, M. Osborne, B. Wilson. Leicester : National Institute of Adult Continuing Education, 2005.

Поступила в редакцию 05.09.2019

Баженов Никита Александрович, магистр политических наук,
главный специалист сектора по работе со средствами массовой информации
Аппарат Законодательного собрания Пермского края
614000, Россия, г. Пермь, ул. Ленина, 51
E-mail: BazhenovNA@zspperm.ru

Пунина Ксения Александровна, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук
ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
E-mail: puninaka@psu.ru

K.A. Punina, N.A. Bazhenov

STUDENTS IN LOCAL PUBLIC POLICY OF MODERN RUSSIA

DOI: 10.35634/2587-9030-2019-3-4-503-515

The article is devoted to the role of students in the local public policy of modern Russia. The specifics of students are justified by their social activities, which are supported by territorial concentration, community of interests, group self-consciousness, subculture, lifestyle, age homogeneity, which other social and professional groups do not have. The authors explain the possibility of students' participation in the public policy of the city by the provisions of the state youth policy of the Russian Federation, as well as by their status of full-fledged residents of a particular territory. Analyzing the socio-political activity of students, they conclude that as socially significant problems students can promote in the field of public policy interests related to their social status (benefits, scholarships, tuition fees, etc.), the organization of urban infrastructure (transport, social services, urban amenities, etc.), as well as their self-fulfillment and self-expression, which is manifested in their creative activity, appearance, behavior, etc.

Local public policy in the logic of the research is a process of interaction between several actors to develop a joint solution to a socially significant problem, which is impossible to solve by usual procedures. Interactions of the actors form the field of public policy, and each of them tries to realize its own interest, using its own resources and agents for this purpose. Hence the main question of the research: who does the student act as, being a participant of the relationship "student-university-city"? The authors of the article have tried to construct various models characterizing the role of students in the field of public policy, which also involves the university and the city. Each theoretical model is illustrated by cases from Samara, Krasnoyarsk and Kazan.

Keywords: University, students, third role, society, local politics, public sphere, public policy.

Received 05.09.2019

Bazhenov N.A., master of political science, chief specialist of the media sector
Staff of the Legislative Assembly of the Perm Krai
Lenina st., 51, Perm, Russia, 614000
E-mail: BazhenovNA@zspperm.ru

Punina K.A., Candidate of Political Sciences, Associate Professor at Political Science Department
Perm State University
Bukireva st., 15, Perm, Russia, 614990
E-mail: puninaka@psu.ru